

Старое кладбище

По обеим сторонам высокой каменной арки, склонив головы и устремив взгляды в землю под ногами, стояло двое старцев: скорбных и молчаливых. Возможно, они молчали, потому что в этом месте молчание было гораздо уместнее самых мудрых слов, а возможно, по той простой причине, что каждый из них был всего лишь каменным изваянием, охраняющим покой мертвых.

В окрестностях кладбища на окраине Троллинбурга было тихо. Ветер шевелил ветви кладбищенских дубов, и шелест листьев напоминал нерешительный шепот невидимых существ. Сквозь кроны пробивались солнечные лучи, создавая танцующие блики над кладбищенскими воротами, перед которыми в этот самый момент замерла невысокая худенькая женщина в сиреневой кофточке и четверо ребят: двое юношей и две девочки помладше.

— Вот, Беяна, — тихим голосом произнесла женщина, обращаясь к одной из девочек. — Здесь похоронен твой отец.

Девочка с пепельно-русыми волосами, собранными в два хвоста, взволнованно вздохнула.

— Подойди ко мне, — женщина жестом подзвала девочку поближе. — Фредди и Берти уже много раз тут бывали, а ты здесь впервые — лучше, если я все время буду тебя видеть рядом. Троллинбургское кладбище очень старое и большое — здесь легко заблудиться. — Потом она повернула голову к другой девочке: рыжеволосой и сероглазой — и с улыбкой добавила: — Мила, ты тоже не отставай. Мы совсем не хотим найти могилу твоей прабабушки и вместо этого потерять тебя.

— Не волнуйтесь, госпожа Векша, — поспешила уверить женщину Мила, — я не отстану.

— Не переживай, мам, — с улыбкой сказал один из ребят, покровительственно покосившись на Милу. — Я беру над Рудик шефство — со мной не заблудится.

Женщина хмуро воззрилась на юношу:

— Берти, у тебя скверная манера обращаться к девочке. Почему не по имени? Тебе не кажется, что Миле может быть обидно такое обращение?

Берти искренне округлил глаза от удивления:

— Кому обидно? Рудик обидно?!

— Мне совсем не обидно, госпожа Векша, — успокоила единственную родительницу своих друзей Мила. — Я давно привыкла.

Берти непринужденно улыбнулся.

— Видишь, ма, Рудик принимает меня таким, какой я есть. И правильно делает, — быстро добавил он, заметив, что с губ его матери уже готов сорваться протест, — потому что другим я быть просто не могу. Я неисправим и безнадежен.

Госпожа Векша укоризненно покачала головой, после чего передернула плечами и сказала:

— Ну, как знаете. — Она повернулась к дочери: — Беляна, ты готова?

— Да, мама, — послушно ответила Белка.

— Тогда пойдете, — скомандовала госпожа Векша и шагнула в сторону кладбищенских ворот.

Вместе с дочерью она первая прошла мимо скорбных каменных изваяний. Следом за ними миновали кладбищенских стражей Мила с Берти. Последним под арку ступил Фреди Векша.

Стояли последние августовские дни, и, словно в предчувствии осени, летняя жара отступила. Солнце еще согревало, но уже не испепеляло, как всего лишь несколько дней назад.

Мила приехала в Троллинбург вместе с Белкой и всей ее семьей на неделю раньше начала занятий в Думгроте, чтобы побывать на кладбище, куда госпожа Векша решила впервые отвести свою дочь. Здесь был похоронен Пятун Векша — отец Белки, который погиб во времена Гильдии. Однажды его, как и многих других в то мрачное время, нашли с Черной Меткой на груди. Это был знак Гильдии — организации, которая на протяжении долгих лет уничтожала волшебников. Отправившись сюда вместе с семьей Векшей, Мила рассчитывала найти могилу своей прабабушки Асидоры. Асидора Ветерок была первой жертвой Гильдии, именно от нее Мила унаследовала волшебные способности. Но до сих пор ей было известно о своей прабабушке очень и очень немного. Миле казалось, что, если она найдет могилу Асидоры, то так

она хоть ненадолго станет ближе к своей прабабке, которую не видела никогда в своей жизни и очень жалела об этом.

Небольшой молчаливой процессией они шли по узким дорожкам мимо многочисленных могил. Мила невольно рассматривала надгробия: высокий мраморный ангел с широко раскинутыми крыльями, будто собирающийся взлететь; худой старичок в остроконечной шляпе с тросточкой и лукаво улыбающимся бронзовым лицом, будто он был не памятником на кладбище, а настоящим, живым волшебником; угрюмый позолоченный филин с кустистыми бровями; человек в балахоне со скорбно склоненной головой и уличным фонарем в протянутой руке. Почти каждую могилу украшало какое-нибудь необычное надгробие. Миле на мгновение показалось, что она попала в заколдованный мир, где все вокруг однажды окаменело. Как будто все эти каменные, бронзовые и мраморные статуи были на самом деле живыми внутри и могли слушать и видеть всех, кто сюда приходит, только не могли рассказать об этом.

Госпожа Векша свернула вправо, на еще более узкую дорожку, чем та, по которой они шли только что. Мила оторвала взгляд от могил и, краем глаза заметив чуть в стороне нечто не вписывающееся в общую атмосферу кладбища, посмотрела влево и увидела ветхое строение. Оно стояло особняком от могил и выглядело очень одиноко — ни единого дерева поблизости, тогда как даже возле могил росли высокие, ветвистые деревья.

— Сторожка кладбищенского сторожа, — сказал Берти, глянув в ту же сторону, что и Мила. — Даже мертвецов кто-то должен охранять.

Мила присмотрелась повнимательнее и заметила надпись на запыленной узкой табличке на двери: «М. Некропулос».

У господина Некропулоса была не слишком веселая работа, подумала про себя Мила. Но Берти был прав: даже мертвецов кто-то должен охранять. Напомнив себе, что ей не стоит отвлекаться, чтобы не пройти нечаянно мимо могилы Асидоры, Мила отвернулась от сторожки и с удвоенным вниманием принялась вглядываться в надписи на надгробиях.

Но по пути к месту, где был похоронен Пятун Векша, могилы Асидоры Мила не встретила.

В какой-то момент госпожа Векша остановилась. Ребята молчаливо столпились у нее за спиной. Женщина устремила пристальный, печальный взгляд на одну из могил и тяжело вздохнула.

— Вот, Беяна, — сказала она. — Могила твоего отца.

Могила Пятуна Векши выглядела очень скромно: каменное надгробие, на вершине — изваяние белки, которая держала в руках большую сосновую шишку. Позади надгробия росла невысокая вечнозеленая туя.

Мила посмотрела на фотографию на плите. У покойного главы семейства Векшей было добродушное, улыбочивое лицо с ямочками на щеках и подбородке, из-за чего он казался каким-то необыкновенно юным. Густые короткие волосы

были того же пепельного цвета, что у Белки, Берти и Фреди. Мила невольно заметила поразительное сходство между Пятуном Векшей и его детьми, но сильнее всего, как ей показалось, на отца была похожа Белка.

— Видишь, как ты похожа на него, дочка? — словно читая мысли Милы, спросила с нежной улыбкой госпожа Векша.

Белка кивнула и вдруг тихо всхлипнула. Госпожа Векша подозвала дочь к себе и ласково обняла ее за плечи.

— Не плачь, дорогая, — мягким голосом сказала она, улыбаясь дочери. — Твой отец сейчас наверняка в каком-нибудь очень хорошем месте. Я в этом не сомневаюсь. Он был замечательным человеком. Он не мог просто так исчезнуть.

Она снова посмотрела на Белку, потом оглянулась на Берти и Фреди. Глубоко и счастливо вздохнув, она кивнула и уверенно произнесла:

— Он гордился бы вами, я знаю. У нас с ним растут очень хорошие дети.

Потом она вдруг всхлипнула, точно как Белка только что, и украдкой смахнула с глаз две слезинки.

— Давайте положим цветы на могилу отца, дети.

Они все вместе подошли ближе к памятнику. Белка и Фреди положили на могилу букеты и вернулись к матери. Какое-то время все стояли молча. Мила невольно посмотрела на друзей. Белка была взволнована. Лицо Фреди было отрешенным и одновременно грустным. Берти заметно хмурился.

Мила смотрела на него и думала, что хорошо понимает его чувства. Берти злился. Он не мог вернуть отца, как бы сильно ему ни хотелось этого. Он чувствовал себя беспомощным, и именно эта беспомощность злила его. А еще он испытывал злость или даже ненависть к Гильдии и ко всему, что так или иначе было связано с этим именем. Потому что именно Гильдия забрала у него отца.

Мила отвела глаза от лица Берти: ей почему-то стало неловко, как будто она без спроса прочла его мысли или, скорее, заглянула в его чувства, когда он, скорее всего, не хотел бы этого. Не всякие чувства хочется разделить с другими, даже с друзьями.

— Ну что ж, — тихим голосом прервала молчание госпожа Векша, обращаясь к дочери, — теперь ты сможешь навещать могилу твоего отца, Беяна. Дорогу ты уже знаешь.

Белка снова с грустью вздохнула.

Госпожа Векша тем временем повернулась к Миле.

— Даже не представляю, как нам лучше продолжить поиски могилы твоей прабабушки, Мила, — озабоченно произнесла она и растерянно добавила: — Кладбище такое большое.

— Да уж, — согласился Берти, — здесь можно до скончания века бродить. Надо что-то придумать.

— Мы видели сторожку кладбищенского сторожа, — сказала Мила. — Может быть, спросить у него?

— Да, пожалуй, это дельная мысль, — вступил в разговор Фреди. — У сторожа должна быть

кладбищенская книга, где записаны имена всех, кто здесь похоронен.

Берти быстро закивал.

— Идем, Рудик. Составлю тебе компанию, а то здесь заблудиться — раз плюнуть.

Он подошел к Миле и кивнул в сторону дорожки, по которой они сюда пришли.

— Пошли. Мы найдем твою прабабку.

— Берти, сынок, а мы, пожалуй, вернемся к воротам и будем ждать вас там, — сказала госпожа Векша, пряча покрасневшие глаза, словно ей было неловко за свои слезы.

Берти молча кивнул, и вдвоем с Милой они отправились к сторожке.

* * *

Мила и Берти подошли к ветхому, с виду заброшенному деревянному домику. Не раздумывая, Берти решительно постучал в дверь.

Какое-то время изнутри не было слышно ни звука. Мила с Берти переглянулись, и Мила пожалала плечами. Берти уже было поднес руку к двери, чтобы постучать снова, но тут из дома послышался отчетливый звук шагов. Дверь открылась, и на пороге возник хозяин сторожки.

Кладбищенский сторож оказался очень высоким и сухопарым стариком. Его лицо было вытянутым и бледным, рот с сильно опущенными вниз уголками губ выдавал человека не слишком веселого и малообщительного, а мутные то ли зеленые, то ли серые глаза смотрели на Милу и Берти совершенно без какого-либо выражения.

— Добрый день, уважаемый господин... — начал Берти и осекся, осознав, судя по выражению его лица, что не знает имени сторожа.

— Некропулос. Мантик Некропулос к вашим услугам, — представился старик и сухо поинтересовался: — Табличку на двери не читали?

Берти, изображая неловкость, прокашлялся.

— Кажется, читали... Когда проходили мимо полчаса назад, — он еще раз кашлянул, как бы пытаясь окончательно убедить сторожа, что ему чертовски стыдно за свою дырявую память и невнимательность. — Простите, как-то... забылось.

— Да оно вам и не надо, — все так же холодно отозвался сторож. — К чему оно вам — помнить имя кладбищенского сторожа? Чем могу помочь?

— Мне нужно найти могилу моей прабабушки, — привлекая к себе внимание господина Некропулоса, сообщила Мила. — Я не знаю, где она похоронена, а кладбище очень большое и...

Некропулос закивал, не давая Миле закончить.

— Все понятно, — сказал он и сделал приглашающий жест рукой: — Заходите.

Мила и Берти переглянулись и, по очереди переступив порог, вслед за стариком зашли в сторожку.

Внутри была всего одна комната. У окна — квадратный деревянный стол. На подоконнике, на тарелке, большой кусок черного хлеба. На дальней стене в ряд висели на массивных металлических крючках три черных дождевых плаща с капюшонами. Видимо, подумала

Мила, во время ночных обходов, когда лил дождь, господин Некропулос переодевался из вымокшего плаща в сухой и продолжал обход. В дальнем углу на пенальных часах-ходиках стояло чучело черного филина. Огромные круглые глаза смотрели на Милу хмуро и неприветливо.

Мила прошла вглубь комнаты, а Берти осталась стоять у дверей. Скрестив руки на груди, он прислонился плечом к дверному косяку, словно не хотел вмешиваться в дело, которое касалось лично Милы.

— Как, вы говорите, зовут вашу покойную родственницу? — спросил господин Некропулос. Он подошел к столу возле окна и опустился на стул, который коротко под ним скрипнул.

— Асидора Ветерок, — ответила Мила.

Она посмотрела, как сторож кладет перед собой книгу — по-видимому, ту самую, кладбищенскую, которую упоминал Фреди, — и решила, что поиски могилы ее прабабки могут затянуться надолго: книга была огромной и в длину и в ширину, да и толщина внушала мысли о веках, если не о тысячелетиях. Сколько же людей похоронено на этом кладбище? Госпожа Векша говорила, что оно очень большое, но, оказывается, Мила даже примерно не представляла себе, насколько оно большое.

Однако уже в следующее мгновение Мила поняла, что господин Некропулос не намерен искать имя Асидоры в этой книге обычным способом. Он раскрыл книгу где-то посередине, провел над желтыми сухими листьями рукой и твердо, словно сообщая свою волю, произнес:

— Асидора Ветерок — эвриско!

Листы зашуршали, как от сквозняка, и уже в следующее мгновение ожили, взлетая и падая, словно невидимая рука с нечеловеческой скоростью листала книгу: сначала вперед, потом назад, опять вперед; в конце концов листы безжизненно упали, и книга, громко лязгнув железной пряжкой об стол, захлопнулась.

Господин Некропулос молча застегнул ремешок книги — видимо, это было необходимо — и обратил мутный старческий взгляд на посетителей.

— Что это означает? — озадаченно нахмурилась Мила.

Кладбищенский сторож склонил голову набок и ответил:

— Только то, что могилы Асидоры Ветерок нет на этом кладбище.

У Милы непроизвольно вытянулось лицо.

— Вы уверены? Это точно? — спросила она.

Господин Некропулос окинул ее неодобрительным взглядом.

— Абсолютно уверен.

Мила обернулась к Берти, но тот лишь беспомощно пожал плечами, глядя на нее с сочувствием.

— Ну... — расстроенным голосом пробормотала Мила. — Спасибо большое за помощь. Мы... мы тогда пойдем.

Господин Некропулос посмотрел на нее долгим взглядом мутных серо-зеленых глаз, после чего, встав со стула, заявил:

— Провожу вас до ворот. Сами можете заблудиться.

Мила была так огорчена, что возражать не стала. Берти, видя, что Мила совсем сникла, тоже решил промолчать.

* * *

Следуя по кладбищенской дорожке вслед за господином Некропулосом, Мила удрученно размышляла над тем, что в который уже раз ее попытка узнать побольше о своей семье и прабабушке Асидоре с треском провалилась. Словно кто-то закрыл ставни и наглухо заколотил досками окно некоего воображаемого дома, в котором хранилась память о ее предках. Будто бы некая сила упрямо не хотела впускать ее в этот дом.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Мила подняла голову и встретила взглядом с Берти. Он улыбнулся ей, пытаясь подбодрить, и Мила тут же изобразила на лице ответную улыбку, которая должна была убедить Берти, что она и не думала расстраиваться, и вообще не принимает эту неудачу близко к сердцу. Берти, однако, не поверил, лишь только усмехнулся ее неуклюжей попытке сделать хорошую мину при плохой игре и со вздохом качнул головой.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Мила переключила свое внимание на идущего чуть впереди них с Берти сторожа. Ее взгляд ненамеренно остановился на руках господина Некропулоса. Они были бескровными и морщинистыми, и все пальцы на них были унижены перстнями. Все, кроме больших. Перстни были не вычурные — Миле почему-то было

совершенно ясно, что надеты они вовсе не для украшения. Металл темный. Странный цвет: смесь пепла и красного вина — это сравнение тоже пришло Миле в голову само по себе. А в каждом из перстней находился черный камень, который был очень хорошо знаком Миле, — морион. Восемь черных морионов. Восемь камней одинакового цвета и размера. Мила никогда прежде не видела, чтобы маг пользовался столькими волшебными камнями сразу. Строго говоря, она никогда не видела на руке мага больше одного магического проводника.

— Удивляешься морионам в моих перстнях? — спросил господин Некропулос, не глядя на Милу.

Миле стало немного стыдно, когда она поняла, что он заметил, как она рассматривала его руки.

— Нечему тут удивляться, — равнодушным тоном продолжал ее спутник. — Когда охраняешь покой мертвецов, и не простых людей, а сплошь магов, нужно быть готовым ко всему. Не все маги уходят в мир иной по собственному желанию, и не все со спокойным сердцем. Иногда они возвращаются. А оживший маг будет во сто крат страшнее любого другого ожившего мертвеца, — господин Некропулос, размеренно кивая головой, бросил усталый взгляд на Милу и похлопал ладонью одной руки по тыльной стороне другой. — Вот для того они и нужны, эти камешки: чтобы держать здесь все под контролем.

В подробности он вдаваться не стал, но Мила и так поняла. Она помнила, что морион дает своему владельцу власть над миром мертвых.

Видимо, пока старый кладбищенский сторож охранял покой мертвых, восемь черных морионов господина Некропулоса охраняли мир живых. Иными словами, заставляли здешних обитателей спать крепким беспробудным сном.

— Постоите-ка минутку, — сказал Некропулос, остановившись возле одной из могил.

Он подошел к темному надгробию, и Мила поняла причину задержки. Чахлое безжизненное деревце, растущее ближе остальных к могиле, наклонилось, так что с одной стороны его корни поднялись над землей, и закрыло ветвями ту часть памятника, где на плите должны были быть имя и фотография похороненного здесь волшебника. Некропулос протянул руку с четырьмя морионами к дереву и медленно приподнял кисть руки. Деревце послушно потянулось вслед за этой рукой и выпрямилось — корни ушли под землю.

Взгляду Милы теперь открылось все надгробие: толстая, прямоугольной формы вертикальная плита, а на ней — сидящий на согнутых в коленях ногах горбатый карлик с большими, как у летучей мыши, крыльями. Одним крылом он прикрывал свое лицо, и, опустив взгляд на фото на надгробии, Мила поняла, что символизировал этот карлик. Лицо на фотографии было таким уродливым, что девочка невольно вздрогнула от омерзения и отвела глаза. Она никогда не видела более безобразной внешности.

— Никто не навещает эту могилу, — сказал господин Некропулос.